

Владимир Галактионович Короленко

Судный день («Иом-Кипур»)

Владимир Короленко
Судный день («Иом-Кипур»)

«Public Domain»

1890

Короленко В. Г.

Судный день («Иом-Кипур») / В. Г. Короленко — «Public Domain», 1890

«А на плотине чорт стоит, за бока держится, хохочет. Дрожит от того хохота старая мельница, так что из щелей мучная пыль пылит, в лесу всякая лесная нежить, а в воде водяная – проснулись, забегали, показывается кто тенью из лесу, кто неясною марой на воде; заходил и омут, закурился-задымился белым туманом, и пошли по нем круги. Глянул мельник – и обмер: из-под воды смотрит на него синее лицо с тусклыми, неподвижными глазами и только длинные усы шевелятся, как у водяного таракана. Точь-в-точь дядько Омелько выплывает из омута прямо к яворам...»

Содержание

I	5
II	11
III	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

В. Г. Короленко

Судный день («Иом-Кипур»)

Малорусская сказка

«Огонь погас, а месяц всходит. В лесу пасется волколак».

Шевченко

I

Вот что: выйди ты, человек, в ясную ночь из своей хаты, а еще лучше за село, на пригорочек, и посмотри на небо и на землю. Посмотри, как по небу ходит ясный месяц, как мигают и искрятся звезды, как встают от земли легкие тучи и бредут куда-то одна за другой, будто запоздалые странники ночью дорогой... А лес стоит заколдованный и слушает, какие чары встают в нем с полуночи, а сонная речка бежит, и журчит, и бормочет что-то надбережным яворам... И скажи ты мне после этого, чего только, каких чудес не может случиться вон в этой божьей хатке, что люди называют белым светом?

Все может случиться. Вот с знакомым моим, ново-каменским мельником, тоже раз приключилась история... Если вам еще никто не рассказывал, так я, пожалуй, расскажу, только уж вы не требуйте, чтобы я побожился, что это все правда. Ни за что не побожусь, потому что хоть слышал я ее от самого мельника, а все-таки и до сих пор не знаю: было это на самом деле или не было...

Ну, да уж было или не было, а рассказывать надо, как было.

Раз вечером, после вечерней службы в Новой-Каменке, – а мельница от села верстах этак в полуторах, не более, – мельник вернулся к себе что-то не очень в духе. А отчего бы ему быть не в духе, этого он и сам толком не сказал бы. В церкви все шло как следует, и наш мельник, горлан не из последних, читал на клиросе так громко да так быстро, что и привычные люди удивлялись. «Вот как чешет, вражий сын, – говорили добрые люди с великим решпектом¹, – хоть бы тебе одно слово понять можно было. Чистое колесо: вертится-катится, и знаешь, что есть в нем спицы, а поди-ка, угляди хоть одну. Так сот и он читает: речь как кованое колесо по камню гремит, а слова никак не ухватишь».

А мельник слушал, что люди промеж себя говорят, и радовался. Умел-таки потрудиться для господ бога; языком как иной здоровенный парубок цепом на току молотил, так что даже в горле к концу пересохло и очи на лоб полезли.

После службы батюшка к себе мельника позвал, чаем напоил, да и графинчик с травником на стол поставили полный, а со стола убрали пустой. После этого месяц стоял уже высоко над полями и заглядывал в маленькую, но быструю речку Каменку, когда мельник вышел из поповского дома и пошел по селу, к себе на мельницу.

Из сельских людей кто уже спал, кто сидел при свете каганцов в хатах за вечерей, а были и такие, которых теплая да ясная осенняя ночь выманила на улицу. И сидели себе старые люди на призьбах (завалинках), а молодые под тынами, в густой тени от хат да от вишневых садов, так что и разглядеть было невозможно, и только тихий говор людской слышался там и сям, а то и сдержанный смех или иной раз – неосторожный поцелуй какой-нибудь молодой пары... Эй, мало ли что делается порой в густой тени под вишнями вот в такую ясную да теплую ночь!

---

¹ Почтением, уважением (от франц. – respect).

Но хоть мельнику не было видно людей, а люди хорошо видели мельника, потому что он шел самою серединой улицы по месяцу. И потому кое-где ему говорили:

– Добрый вечер, господин мельник. А не от бабушки ли вы это идете? Не у него ли загостились так долго?

Все знали, что больше не от кого ему и идти, но мельнику это было приятно, и он отвечал не без гордости и не задерживая шагу:

– Ага, загостился-таки немного! – и шел себе дальше прегордою поступью.

А иные сидели тихонько под навесами и только ждали, чтобы он прошел поскорее и не заметил бы, что они тут. Но не такой был человек мельник, чтобы пройти мимо или позабыть тех людей, которые ему должны за муку или за помол или просто взяли у него денег за проценты. Ничего, что их плохо было видно в тени и что они молчали, будто воды набрали в рот, – мельник все-таки останавливался и говорил сам:

– А, здоровеньки были! Тут вы? Молчите или не молчите, это как себе хотите, а мне должок припасайте, потому что срок завтра, утром раненько. А я ждать не стану, вот что!

И после этого опять шел дальше по улице, и его тень бежала с ним рядом, да такая черная-пречерная, что мельник, человек книжный и всегда готовый при случае пошевелить мозгами, думал про себя:

«Вот какая черная тень, даже удивительно!.. На человеке надета свитка белее муки, а тень от нее чернее сажи...»

Тут поровнялся он с шинком жида Янкеля, что стоял на горке, недалеко уже от выезда. Шабаш уже кончился с закатом солнца, но все-таки в шинке хозяина не было, а сидел жидовский наймит Харько, который всегда заменял Янкеля и его бахорей по шабашам и в праздники. Он зажигал им свечи и принимал своими руками деньги от людей, потому что жида – это уж всему свету известно – строго наблюдают свою веру: ни за что в праздник ни свечей не зажгут, ни денег в руки не возьмут: грех! Все это за них и делал наймит Харько, из отставных солдат, а Янкель, или Янкелиха, а то и бахори только следили зоркими очами, чтобы как-нибудь пятак или там двадцатка вместо выручки не попала каким-нибудь способом в карман к Харьку. «Хитрый народ, ой и хитрый же! – подумал про себя мельник. – Умеют и богу своему угодить и грошей не упустят. Да и разумный народ, это тоже надо сказать, – где нашим!»

Он остановился у входа в шинок, на площадке, крепко утоптанной множеством людских ног, что толклись тут и в базар, и в простые дни, всю неделю, – и спросил:

– Янкель! Эй, Янкель! Дома ты, или, может, тебя нету?

– Нету, не видите, что ли? – отвечал наймит из-за прилавка.

– А где?

– Где – в городе, вот где, – отвечал наймит. – Вы разве не знаете, какой у них день?

– Какой?

– Иом-Кипур!

«Вот объяснил, так объяснил!» – подумал про себя мельник. А надо вам сказать, наймит этот человек был письменный и гордый. Любил задирать нос кверху, а особенно перед мельником. На клиросе читал, пожалуй, не хуже мельника, только что голос имел с трещиной и забирал в нос. Поэтому в «Часослове» еще мог с Филиппом Гладким тягаться, а уж в «Апостоле» никаким способом. Зато в чем другом ни за что, бывало, не уступит. Мельник скажет одно слово, а он ему навстречу другое. Мельник скажет иной раз: «не знаю», а наймит тотчас: «а я так знаю». Неприятный человек... Вот и теперь загнул такое слово, что мельник даже под шапкою ногтями заскреб, а он радуется.

– Да вы, может, и теперь не догадались, какой это день?

– А что мне и знать всякий жидовский праздник! – ответил мельник с досадой. – Разве я у них служу или что?

– Всякий? То-то вот и есть, что не всякий! Сегодня у них такой праздник, что только раз в год и случается. Да еще я вам скажу: такого другого праздника на всем свете ни у одного народа не бывает.

– Ну, вы скажете!

– Про Хапуна, я думаю, и вы слышали.

– А?

Мельник только свистнул, – как же это он в самом деле не догадался? – и заглянул в окно жидовской хаты. Там, на полу, были разостланы сено и трава, в двойных и тройных светильниках горели тонкие сальные свечки-мока́нки и слышалось жужжание как будто от нескольких здоровенных, в рост человека, пчел. То молодая, недавно взятая еще Янкелем, вторая жена и несколько жиденят, закрыв глаза и чмокая губами, жужжали какие-то молитвы, в которых слова схватить было невозможно. Однако же было что-то такое в этом молении удивительное: казалось, кто-то другой сидит внутри жидов, сидит и плачет, и причитает, вспоминает и просит. А кого и о чем? – кто их знает! Только как будто бы уже не о шинке и не о деньгах...

У мельника стало от той жидовской молитвы что-то сумно на душе, – и жутко, и жалко. Он переглянулся с наймитом, которому тоже слышно было жужжание из-за корчемной двери, и сказал:

– Молятся!.. Так, говоришь, Янкель поехал в город?

– Поехал.

– И что ему за охота? Ну, как его-то как раз Хапун и цапнет?

– То-то и оно! – ответил наймит. – Кабы так на меня, то даром, что я воевал со всяким басурманским народом и имею медаль, – а ни за какие бы, кажется, карбованцы не поехал. Сидел бы себе в хате, – небось, из хаты не выхватит.

– А почему? Если уж кого схватить, то схватит и в хате. Почему в хате нельзя?

– Почему?.. Если вам нужно выбрать шапку или хотя рукавицы, вы куда за ними пойдете?

– Да никуда, как в лавку.

– А почему в лавку?

– Потому что в лавке шапок видимо-невидимо.

– Вот то-то и оно. Посмотрели бы вы теперь в синагоге: там тоже жидов видимо-невидимо! Толкуются, плачут, кричат так, что по всему городу слышно, от заставы и до заставы. А где толкун мошкары толчется, туда, известно, и птица летит. Дурак бы был и Хапун, если бы стал вместо того по лесам да по селам рыскать и высматривать. Ему только один день в год и дается, а он бы его так весь и пролетал понапрасну. Еще в которой деревне есть жид, а в которой, может, и не найдется.

– Ну, таких мало.

– Хоть мало, а все-таки... притом, из многолюдства и выбирать много лучше.

Оба замолчали... Мельник подумал, что опять его наймит зашиб хитрыми словами, и ему стало опять неприятно. А из окон все неслись жужжание, и плач, и причитание жидов.

– Да это еще правда ли? – заговорил мельник, которому захотелось подразнить наймита. – Может, так люди брешут! Один дурень сбрехнет, а другой и поверит.

Наймиту эти слова не понравились.

– Разве это я сам выдумал, – сказал он, – или мой отец, или сват... Когда это известно всему крещеному народу.

– А вы ж сами это видели? – задорно спросил мельник.

Когда он входил в азарт, то говаривал иногда, что не хочет знать самого чорта, пока его ему не покажут вот так, как на ладони. А теперь он как раз был в самом азарте.

– А вы ж, – говорит, – сами видели? А когда не видали, то и не говорите, что оно есть, вот что!

Наймит спустил маленько голосу и даже что-то закашлялся. Ну, да не такой – волк его заешь! – и он человек был, чтобы совсем сдаться.

– Лгать не стану, – говорит, – сам никогда не видал. Ну, а вы, господин мельник, когда-нибудь Киев видели?

– Нет, не видел, тоже лгать не буду.

– А он-таки есть, хоть вы его и не видали. Тут уж мельник на такое ясное слово совсем вылупил глаза.

«Вот что правда, то правда, – подумал он, – таки Киев есть, хоть я его не видал... Видно, надо верить, когда добрые люди говорят». – Ну, хорошо... От кого ж вы это слышали?

– Ба! от кого? А вы от кого про Киев слышали?

– Тю-тю! Ну, и язык у вас!.. Чистая бритва, чтоб ему отсохнуть!

– Нечего моему языку отсыхать... Если все говорят, то, значит, правда. Не была бы правда, то все не говорили бы, а говорили бы одни только брехуны...

– Тьфу! Да остановись ты хоть на одну минуту! Я ж уже и сам вижу, что не в тот переулок завернул... А только я б хотел знать, откуда она взялась, такая людская намолвка...

– А оттуда и взялась, что это каждый год бывает. Что бывает, о том и люди говорят, а чего не бывает, о том и говорить не стоит...

– А, вот человек какой! Скажи мне, наконец, что ж такое бывает, вот что!

– Эге-ге, так, видно, вы и этого не знаете, что бывает в судный день?..

– Знал, то б и не спрашивал. Слышу давно, – люди болтают, вот как и ты: Хапун, Хапун, а в какой разум это говорится, и не знаю.

– Так бы сразу и говорили, что не знаете... Если хотите знать, так я и расскажу, потому что я побывал-таки на свете, не то что вы. Я и в городе живал не по одному году, и у жидов не первый раз служу.

– А не грех тебе? – усомнился мельник.

– Другому кому грех, а солдату все можно! Нам такая и бумага выдается.

– Разве что бумага...

После этого уже солдат рассказал мельнику дружелюбно всю правду про Хапуна и про то, как он в этот день ежегодно хватает по одному жида.

Хапун, надо и вам сказать, когда вы не знаете, есть особенный такой жидовский чорт. Он, скажем, во всем остальном похож и на нашего чорта, такой же черный и с такими же рогами, и крылья у него, как у здоровенного нетопыря; только носит пейсы да ермолку и силу имеет над одними жидами. Повстречайся ему наш брат, христианин, хоть о самую полночь, где-нибудь в пустыре или хоть над самым омутом, он только убежит, как пугливая собака. А над жидами дается ему воля: каждый год выбирает себе по одному и уносит...

Для этого-то вот выбора и назначается иом-кипур, судный день. Жида задолго уже до того дня молятся, плачут, рвут на себе одежду и даже головы зачем-то обсыпают золой из печки. Перед вечером все моются в речке или на ставах², а как зайдет солнце, идут бедняги в свою школу³, и уж какой оттуда крик слышится, так и не приведи бог: все орут в голос, а глаза от страха закрывают... А уже в это время, как только небо погаснет и станет на нем вечерняя звезда. Хапун вылетает из своего места и вьется над школой, и в окна бьет крылом, и высматривает себе добычу. Но вот когда уже настоящий страх нападает на жидов, так это в самую полночь. Они нарочно зажигают все свечи, чтобы не было так жутко, падают все на пол и начинают кричать, как будто их кто режет. И когда они так лежат и надрываются, Хапун, как большой ворон, влетает в горницу; все слышат, как от его крыльев холод идет по сердцам, а тот, которого он высмотрел ранее, чувствует, как в его спину впиваются чортовы когти. А!

---

² Став – пруд.

³ Простой народ в Юго-западном крае называет синагоги школами.

рассказывать об этом и то даже мороз по-за шкурой пройдет, а каково-то бедному жиду!.. Само собою, – кричит во все горло. Ну, да кто тут услышит, когда и все тоже галдят, как сумасшедшие? А может, кто из соседей и слышит, так что ж тут делать, – рад, что не ему выпала злая доля!..

Наймит Харько сам слышал не один раз, как после того в местечке разносился звук трубы, да такой звонкий, жалобный и протяжный... Это служка из школы на прощание трубит вдогонку своему бедному брату, между тем как другие надевают в передней «патынки» (потому что в школу входят в одних чулках) и тихо расходятся по домам.

Видел также Харько, как они останавливались кучками против месяца и бормотали что-то, и подымались на цыпочки, глядя в ночное небо... А в это время, когда уже все до одного разойдутся, на полу в передней комнате сиротливо стоит себе пара «патынков» и ждет своего хозяина... Э! сколько бы ни ждала, никогда не дождетя, потому что в этот час над полями и лесами, над горами, ярами и долинами Хапун тащит хозяина патынков по воздуху, взмахивая крыльями и хоронясь от христианского глаза. Рад, проклятый, когда ночь выпадет облачная да темная. А ежели тихая да ясная, как вот сегодня, что месяц светит изо всех сил, то, пожалуй, напрасно чертяка и труды принимал...

– А почему? – спросил мельник.

– А потому, что вот видите вы: стоит любому, даже и не хитрому, крещеному человеку, хоть бы и вам, например, крикнуть чертяке: «Кинь! Это мое!» – он тотчас же и выпустит жида. Затрепыхает крыльями, закричит жалобно, как подстреленный шуляк⁴, и полетит себе дальше, оставшись на весь год без поживы. А жид упадет на землю. Хорошо, если не высоко падать или угодит в болото, на мягкое место. А то все равно, пропадет без всякой пользы... Ни себе, ни чорту.

– Вот так штука! – сказал мельник в раздумьи и со страхом поглядел на небо, с которого месяц действительно светил изо всей мочи. Небо было чисто, и только между луною и лесом, что чернелся вдали за речкой, проворно летело небольшое облачко, как темная пушинка. Облако, как облако, но вот что показалось мельнику немного странно: кажись, и ветру нет, и лист на кустах стоит – не шелохнется, как заколдованный, а облако летит, как птица и прямо к городу.

– А поглядите-ка, что я вам покажу, – сказал мельник наймиту.

Тот вышел из шинка и, опершись спиной о косяк, сказал хладнокровно:

– Ну, так что ж? Нашли, что показывать: облак, так и облак! Бог с ним...

– Да вы поглядите-ка еще, – ветер есть?

– Та-та-та-а... Вот оно что! – догадался наймит. – Прямо в город мандрует...

И оба почесали затылки, задравши головы кверху. А из окон по-прежнему несло жужжание, виднелись желтые вытянутые лица, шапки на затылке, закрытые глаза, неподвижные губы... Жиденята плакали, надрывались, и опять мельнику показалось, что кто-то другой внутри их плачет и молит о чем-то давно утраченном и наполовину уже позабытом...

– А! пора и домой, – очнулся мельник. – А я было хотел гроши Янкелю отдать...

– Можно. Я принимаю за них, – сказал на это наймит, глядя в сторону.

Но мельник притворился, что не слышал этих слов. Деньги были не такие маленькие чтобы вот так, просто, отдать какому-нибудь пройди-свету, отставному солдату.

– Прощайте-ка, – сказал поэтому мельник.

– Прощайте и вы! А деньги я-таки принял бы.

– Не беспокойте себя: отдам и самому.

– Это как себе хотите. А взять и я взял бы, беспокойство небольшое. Ну, пора уж и шинок запирать. Видно, кроме вас никакая собака уже не завернет сегодня.

---

⁴ Коршун.

Наймит опять почесал себе о косяк спину, посвистал как-то не совсем приятно вслед мельнику и стал запирать двери, на которых были намалеваны белою краской кварта, рюмка и жестяной крючок (шкалик). А мельник спустился с пригорочка и пошел вдоль улицы, в своей белой свитке, а за ним опять побежала по земле черная-пречерная тень.

Но теперь мельник раздумывал уже не о своей тени, а совсем-таки о другом...

II

Мельник прошел не более десяти сажен, как в садочке по-за тыном что-то зашуршало и зашумело, будто вспорхнули две большие птицы. Но это были не птицы, а какой-то парубок с девкой, испуганные тем, что мельник сразу вышел из темноты. Впрочем, парубок, видно, был не из страшливых: отойдя еще подальше в тень, так что едва белели под вишнями две фигуры, он крепкою рукой придержал всполохнувшуюся девушку и опять повел тихие речи. А пройдя еще немного, мельник услышал что-то такое, что даже остановился от большой досады...

– А ты, – не знаю, как тебя, – подождал бы хоть целоваться, – сказал он. А то чмокаешь на все село, – сказал он, подойдя к самому тыну.

– А тебе, собачий сын, надо в чужие двери нос совать? – ответил парубок из тени. – Так вот погоди, я и тебя поцелую дрючком по ногам. Будешь вперед знать, как людям делать помеху.

– Ну-ну! – сказал мельник, отходя. – Подумаешь, важную работу делает... Да и подлый же какой-то парубок, как чмокает, даже человеку стало как будто завидно. Распустился народ!

Он постоял, подумал, почесал в голове и потом, повернувшись к сторонке, занес ногу через тын и пошел огородом к вдовиной избушке, что стояла немного поодаль, край села, под высокою тополей... Хатка была малюсенькая да еще сгорбилась и похилилась к земле. Оконце было такое крохотное, что его, пожалуй, трудно было и разглядеть, будь ночь сколько-нибудь потемнее. Но теперь хатка вся так и горела от месячного света, солома на ней казалась золотая, а стена серебряная, и оконце чернело на стене, как прищуренный глаз. Огня в окне не было. Должно быть, у старухи с дочкой нечем было вечерять, незачем было и светить. Мельник постоял, потом тихонько стукнул два раза в оконце и отошел к сторонке.

Недолго еще и постоял, как две полные девичьи руки крепко обвили его шею, а меж усов так даже загорелось что-то, как приникли к Мельниковым устам горячие девичьи губы. Э, что тут рассказывать! Если вас кто так целовал, то вы и сами знаете, а если никогда с вами ничего такого не было, то не стоит вам и говорить.

– Филиппко мой, милый, желанный! – говорила, ласкаясь, девушка, – пришел-таки... А я уж ждала-заждалась, думала, иссохну без тебя, как та былинка без воды...

«Э, не иссохла-таки, слава тебе, господи! – подумал про себя мельник, прижимая рукой не очень-то худощавый стан девушки. – Слава богу, еще ничего».

– Когда же рушники готовить будем? – заговорила девушка, все еще держа руки на плечах Филиппа и обдавая его горячим взглядом черных очей. – Ведь уж скоро филипповки.

Эта речь пришла мельнику не так по вкусу, как девичьи поцелуи. «Видишь ты, куда гнет, – подумал он про себя. – Эх, Филипп, Филипп, задаст она тебе теперь потасовку». Но, все-таки, набравшись храбрости и отведя свои глаза в сторону, он промолвил:

– Э, какая ты, Галя, ласая⁵. Сейчас тебе и рушники. Как же это можно, когда я теперь сам мельник и скоро, может, стану первый богатырь (богач) на селе, а ты – бедная вдовица дочка?

Девку шатнуло от того слова, будто ее ужалила змея. Она отскочила от Филиппа и схватилась рукою за сердце.

– А я думала... ох, бедная ж моя голова!.. Так чего ж это ты, подлый человек, стучал в оконце?

– Эге! – ответил мельник, – чего стучал... А что же мне и не стучать, если твоя мать должна мне деньги? А ты выскочила да прямо целоваться. Что ж мне... Я тоже умею целоваться не хуже людей.

---

⁵ Лакомая, охочая до чего-нибудь (укр.).

И он опять протянул к ней руку, но только что его рука коснулась девичьего стана, как стан этот вздрогнул, будто девку ужалила гадюка.

– Геть! – крикнула она так сердито, что мельник попятился назад. – Я тебе не бумажка рублевая, что ты меня хватаешь, будто свою. Вот подойди еще, я тебя так огрею, что ты после того забудешь ласовать на три года.

Мельник растерялся.

– Вот какая гордячка! А что я, прости господи, жид, что ли, тебе дался, что ты вот так паскудно лаешься?

– А то не жид, что ли? За полтину уже рубль нарастил, да еще тебе мало: ко мне полез за процентами. Геть! – говорю тебе, – постылый!

– Ну, девка! – сказал мельник, опасливо закрывая лицо ладонью, как бы в самом деле не засветила кулаком. – Я вижу, с тобой умному человеку и говорить нельзя. Ступай, посылай сюда мать!

Но старуха уже и без того вышла из хаты и низко кланялась мельнику. Тому это больше понравилось, чем разговор с дочкой. Он подбоченился, и его черная тень на стене так задрала голову, что мельник и сам уже подумал, как это у нее не свалится шапка.

– А знаешь ты, старая, зачем я это пришел? – говорит мельник старухе.

– Ох, как мне, бедной, не знать! Видно, ты пришел за моими деньгами...

– Хе! не за твоими, старая, – засмеялся мельник, – а за своими собственными. Я ж не разбойник какой, чтобы по ночам за чужими деньгами в чужой дом приходиться.

– Вот же таки за чужими и пошел, – задорно сказала Галя, взявшись в боки и наступая на мельника, – не за своими же!

– Фу, скаженная⁶ девка! – сказал тут мельник, отступивши еще шага на два. – Ей-богу, такой скаженной девки во всем селе не сыщется. Да не то что в селе, а во всей губернии. Ну, подумай ты, какое слово сказала! Да не будь вот тут одна твоя мать, что, пожалуй, и не пойдет в свидетели, так я бы тебя в суд потянул за бесчестье! Эй, одумайся ты хоть немного, девка!

– А что мне одуматься, когда это чистая правда?

– Какая ж это правда, когда старая у меня брала, да и не выплатила?

– Брешешь, брешешь, как рудая собака! Когда был еще подсыпкой⁷ да со мной женихался, хотел в дом идти и не говорил, что назад потребуешь. А как дядько помер да сам ты стал мельником, так весь долг уже перебрал, и еще тебе мало?

– А мука?

– Ну, что мука?.. За муку сколько следовало?

– По копе⁸, вот сколько! Дешевле никто не отдаст, хоть куда хочешь поезжай, хоть себя отдай в придачу.

– А с нас ты сколько уже перебрал?

– Тю-тю, куда махнула! Язык у тебя тоже... не хуже Харька. Да и я ж тебе на то отвечу: а проценты? Ну, что взяла?

Но Галя уже ничего не ответила. С девками оно часто так бывает: говорит-говорит, лопочет-лопочет, как мельница на всех поставках, да вдруг и станет... Подумаешь, воды не хватило... Так где! Как раз полились рекой горькие слезы и отошла в сторону, все утирая глаза широким рукавом белой сорочки.

– От так! – сказал мельник, чуть-чуть растерявшись, а все-таки довольный. Чего б это я кидался на людей. Не лаялась бы, так нечего бы и плакать.

– Молчи, молчи, молчи ты, постылая тварюка!

---

⁶ Сумасшедшая.

⁷ Подсыпка-работник на мельнице, засыпающий зерно на жернова.

⁸ Копя – в малороссийском счете значит шестьдесят. Копя грошей – тридцать копеек.

– Молчи же и ты, когда так!

– Молчи уже, молчи, моя доню, – прибавила старая мать, тяжело вздохнувши. Старуха боялась, видно, рассердить мельника. Видно, у старухи нечем было заплатить в этот срок.

– Не стану молчать, мамо, не стану, не стану! – ответила девушка, точно в мельнице опять пошли ворочаться все колеса. – Вот же не стану молчать, а коли хотите вы знать, то еще и очи ему выцарапаю, чтобы не смел на меня славу напрасно наводить, да в окна стучать, да целоваться!.. Зачем стучал, говори, а то как хвачу за чуприну, то не погляжу, что ты мельник и богатырь. Небось, прежде не гордился, сам женихался да ласковыми словами сыпал. А теперь уж нос задрал, что и шапка на макушке не удержится!

– Ой, доню, молчи уже, моя смиренная сиротинка! – сокрушенно вздохнув, опять промолвила старуха. – А вы, пан мельник, не взыщите на глупой девке. Молодой разум с молодым сердцем – что молодое пиво на хмелю: и мутно, и бурлит. А устоится, так станет людям на усладу.

– А мне что? – сказал мельник. – Мне от нее ни горечи, ни услады не нужно, потому что я вам не ровня. Мне мои деньги подай, старая, то я на вашу хату и глядеть не стану.

– Ох, нет же у нас! Подожди еще, заработаем с дочкой вдвоем, то и отдам. Ох, горе мое, Филиппушка, и с тобою, и с нею. Ты ж сам знаешь, я тебя, как сына, любила, не думала, не гадала, что ты с меня, старой, те долги поверстаешь да еще с процентами... Хоть бы дочку, что ли, замуж отдать, и женихи есть хорошие, – так вот не идет же ни за кого, хоть ты что хочешь. С тех пор, как ты с нею женихался, будто заворожил девку. Лучше, говорит, меня в сырую землю живую закопайте. Дурная и я была, что позволяла вам до зари вот тут простаивать... Ой, лихо мне!..

– А как же мне быть? – сказал мельник. – Ты, старая, этих дел не понимаешь: у богатого человека расход большой. Вот я жиду должен, так отдаю, – отдавайте и вы мне.

– Подожди еще хоть с месяц.

Мельник поскреб в голове и подумал. Маленько-таки разжалобила его старуха, да и Галина узорная сорочка недалеко белела.

– А я, смотри, за это еще десять грошей накину, – сказал он. – Лучше отдала бы.

– Что ж делать! Видно, моя доля такая, – вздохнула старуха.

– Ну, значит, так оно и будет. Я не жид, я-таки добрый себе челявья. Другой бы, уж я верно знаю, накинул бы двадцатку, а я накину десять грошиков и подожду еще до филипповок. Да смотри, тогда уже стану жаловаться в правлении.

И он, не поклонившись, повернулся и пошел себе за околицу, даже не оглядываясь на избушку, у которой долго еще белела узорная сорочка, – белела на черной тени под вишеньем, как белесая звездочка, – и нельзя было мельнику видеть, как плакали черные очи, как тянулись к нему белые руки, как вздыхала девичья грудь.

– Не плачь, доню, не плачь, ясочко, – говорила старая Прися. – Не плачь, видно такая божия воля.

– Ох, мамо, мамо, хоть бы дала ты мне очи ему выцарапать! Может, мне стало бы легче...

III

После этого мысли мельника стали как-то еще скучнее. «Вот что-то все не так идет на этом свете, – думал он про себя. – Как-то человеку все бывает неприятно, а отчего-и не придумаешь... Вот теперь девка прогнала... Жидом назвала, эге-ге!.. Кабы я был жид да имел такие деньги, да торговлю... да разве так стал бы я жить, как теперь? Нет, не так! Теперь что и за жизнь моя: работай на мельнице сам, ночь не доспи, днем не доешь; гляди за водой, чтоб не утекла, гляди за камнем, гляди за валом, гляди на валу за шестернями, гляди на шестернях за пальцами, чтобы не повыскочили да чтобы забирали ровно... Э, гляди еще и за проклятым работником-подсыпкой. Разве можно положиться на наймита? Только уйди на минуту, сейчас и он, подлый человек, куда-нибудь к девкам утреплется... А, собачья жизнь мельника, просто-таки собачья! Правда, с тех пор как дядько – царствие ему небесное! – убухался с пьяных глаз в омут, стал я сам хозяином и деньжонки-таки стали заглядывать в мои карманы... Так опять что в них? За рублем каким-нибудь ходишь, ругают тебя и за глаза, да и в глаза не стыдятся, а много ли прибытку? – пустяки! Никогда крещеному человеку не перепадет столько, как жиду. Вот когда бы еще жида унесла нелегкая из села, тогда, пожалуй, можно бы и развернуться. Ни к кому не пошли бы, как ко мне, и за копейкой, когда надо на подати, и за товаром. Ге! можно бы и шиночек, пожалуй, открыть... А на мельнице или бы кого посадил, или хоть продал бы. Ну ее! Как-то все человек еще не человек, пока работает. То ли дело, когда от грошика грошик сам родится. Этого только дурак не понимает... Заведи себе пару свиней; глядишь – свинья зверь плодущий – через год уж чуть не стадо! Так вот и деньги: пускаешь их по глупым людям, будто на пастбище, только не зевай да умей опять согнать по времени: от гроша родится десять грошей, от карбованца – десять карбованцев...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.